

Митрополит Иларион: Тот факт, что Константинопольский Патриархат признал раскольничьи структуры, для нас означает, что сам он теперь находится в расколе

*Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион дал интервью Русской службе британской медиакорпорации **BBC**, рассказав о ситуации, сложившейся в связи с антиканоническими действиями Константинопольского Патриархата и решением Русской Православной Церкви о разрыве с ним евхаристического общения.*

– 15 октября заседание Синода Русской Православной Церкви длилось около восьми часов. Почему так долго? Что обсуждалось на Синоде?

Нужно уточнить, что заседание Синода началось с некоторой задержкой, которая была вызвана предшествовавшей этому событию встречей Святейшего Патриарха Кирилла с президентом Беларуси А.Г. Лукашенко. Обычно такие встречи длятся около часа, а вчера беседа продолжалась два часа. Соответственно, все расписание сдвинулось.

Впрочем, заседания Священного Синода, как правило, длятся часов семь-восемь, потому что за время между заседаниями накапливается много вопросов. Это и избрание новых архиереев, и открытие монастырей, различные кадровые вопросы. Но, конечно, вчера значительную часть времени мы посвятили теме взаимоотношений с Константинопольским Патриархатом. Около двух-трех часов заняло редактирование текста **Заявления Священного Синода**, которое было обнародовано 15 октября.

– То есть у вас был черновик этого заявления?

– Черновик был.

– Получается, до начала заседания Синода уже было известно, что разрыва не избежать?

– Как пойдет дискуссия на Синоде, предугадать невозможно. Был заранее подготовлен черновой текст, в котором собраны и изложены канонические аргументы, значение которых остается неизменным вне зависимости от того, каким бы стало окончательное решение по вопросу о разрыве евхаристического общения с Константинопольским Патриархатом.

Это можно сравнить со следственным делом и приговором в судебном процессе: в деле, которое готовится на протяжении длительного времени, собираются аргументы, доказательства, а приговор выносит суд, принимая во внимание собранные материалы. В задачи Отдела внешних церковных связей, который я возглавляю, входит подготовка документов для Синода по внешнецерковной тематике, а решение Синод принимает коллегиально.

– То есть аргументов за разрыв было больше?

– К сожалению, у нас вообще не было аргументов против разрыва отношений: Константинополь принял такие решения, на которые у нас просто не было иного ответа.

– В комментариях до заседания Синода Русской Православной Церкви звучало мнение, что процесс разрыва отношений будет достаточно продолжительным. Однако принятыми вчера решениями все было обрублено сразу. Как так вышло?

– Процесс со стороны Константинопольского Патриархата пошел быстрее, чем можно было предположить. Я думаю, что у Константинополя есть какие-то причины спешить. Возможно, главная причина заключается в том, что они хотят успеть выполнить задуманное, пока у власти находится президент Порошенко, потому что понимают: если придет другой президент, то столь шикарных условий, как те, которые создает для них нынешний глава украинского государства, уже не будет.

– Разрыв отношений – это высшая мера церковных санкций. Если Украине все-таки будет дан Томос, чем еще сможет ответить Русская Церковь?

– Не хочу предугадывать развитие событий, однако можно отметить, что арсенал средств воздействия достаточно большой. В конце концов, даже в международных отношениях разрыв дипломатических отношений между государствами – это еще не конец истории, если развитие конфликта продолжается.

Я очень хотел бы надеяться, что нынешний конфликт будет остановлен. Если этого не произойдет и наступит длительный период конфронтации, возможно, будут использоваться самые разные способы воздействия одной Церкви на другую.

– Например?

– Я не хотел бы сейчас озвучивать возможные способы, поскольку мы должны особенно ответственно подходить к решениям по данной теме. Если со стороны Константинополя последуют дальнейшие шаги, наш Синод вновь соберется, мы будем принимать дальнейшие решения.

На сегодня мы очень ясно сказали: тот факт, что Константинопольский Патриархат признал раскольничьи структуры, для нас означает, что сам Константинополь теперь находится в расколе. Он себя идентифицировал с расколом. Соответственно, мы с ним не можем иметь полное евхаристическое общение.

Если Томос будет дан и другие Поместные Церкви признают эту новую церковную структуру, Русская Церковь будет и с ними прерывать общение?

– Не хочу сейчас пытаться предугадывать дальнейшее развитие ситуации. Если будут какие-то новые события, они станут предметом обсуждения на Синоде. Однако пока я не увидел ни от одной Поместной Церкви поддержки Константинополя. Есть Церкви, которые молчат, есть Церкви, которые открыто выступают против, но еще ни одна Церковь не выступила в поддержку разбойничьих действий Константинопольского Патриархата.

– В России Церковь отделена от государства. При этом сначала глава МИД С.В. Лавров выступил против действий Константинополя, потом Президент В.В. Путин, причем на заседании Совета безопасности. После этого последовало решение Синода Русской Православной Церкви о разрыве отношений с Константинопольским Патриархатом. Данные события связаны между собой? Вы обращались за помощью к властям?

– Нынешний конфликт развивается в двух планах. Есть политический план, а есть церковный. На политическом плане – конфликт между Украиной и Россией. Президент Украины Порошенко считает, что имеет право не только высказываться на церковные темы, но и принимать решения, связанные с организацией церковной жизни на Украине. Со своей стороны, президент России и подведомственные ему структуры считают себя вправе высказываться на эти темы.

Но это политическая составляющая, а задача Священного Синода нашей Церкви – ответить на действия Константинополя в строго каноническом поле. Мы не затрагиваем политические вопросы.

Мы абсолютно не оспариваем суверенитет Украины как государства. Но государственный

суверенитет не имеет никакого отношения к тому, как устроена Церковь. Напомню: некоторые Поместные Православные Церкви находятся в границах одной страны, другие же являются многонациональными. Например, Александрийский Патриархат объединяет 54 страны Африканского континента; Антиохийский – Сирию и Ливан; Иерусалимский – Израиль, Палестину, Иорданию; Сербский – Сербию, Хорватию, Черногорию, другие республики бывшей Югославии. Если делить все эти Церкви по количеству стран, которые в них входят, то у нас будет не пятнадцать Поместных Церквей, а почти столько, сколько стран в ООН.

– Говоря об уже упоминавшемся заседании Совета безопасности России, пресс-секретарь президента Дмитрий Песков сказал, что оно было посвящено проблемам Русской Православной Церкви на Украине. При этом в Русской Церкви заявляют, что Украинская Церковь автономна и независима.

– Я думаю, что в данном случае была допущена неточность. «Русской Православной Церкви на Украине» нет. Существует Украинская Православная Церковь, которая является самоуправляемой частью Московского Патриархата. Сейчас некоторые украинские политики пытаются переименовать ее в «Российскую православную церковь в Украине».

– После принятого Синодом Русской Православной Церкви решения началось бурное обсуждение такого вопроса, как перспективы паломничества на Святую гору Афон. Звучат разные мнения: кто-то говорит, что молиться на Афоне не рекомендовано никому, кто-то – что молиться на Афоне можно, но не духовенству, а духовенство за это будет наказано. Так кто может поехать на Афон, последуют ли какие-то санкции в отношении духовенства?

– Поехать на Святую гору может любой человек, имеющий греческую визу и разрешение на въезд на Афон. Молиться Богу мы можем в любом месте на Земле.

Но есть такое понятие, как евхаристическое общение. Это возможность для верующего одной Церкви причащаться, исповедоваться в храмах другой Церкви. Мы разорвали евхаристическое общение с Константинопольским Патриархатом, в юрисдикцию которого входит Афон. Для нас разрыв общения означает, что мы не можем сейчас совершать богослужения в афонских монастырях, не можем причащаться; однако мы имеем возможность посещать эти монастыри как верующие, как туристы. То есть никакого разрыва человеческих связей нет.

– И священники могут посещать монастыри на Афоне?

– Священнослужители Русской Православной Церкви могут их посещать.

– Они не будут наказаны, если приедут на Святую гору?

– Если священник будет участвовать в богослужениях в афонских монастырях, то этот вопрос станет предметом обсуждения с его правящим архиереем. Существуют разные формы канонических прещений в таких случаях.

– Например?

– Одна из существующих мер – запрещение в священнослужении.

– Прямо сразу, за одну поездку?

– Это будет решать архиерей. Есть разные способы. Возможно, будет сделан выговор.

– Российские благотворители и меценаты пожертвовали на Афон свыше 200 миллионов долларов. Это частные пожертвования. Вам известно про это?

– Да.

– Как же быть людям, вложившим средства в благоустройство афонских обителей? И еще вопрос: ожидается ли какая-то реакция от афонских старцев на последние события, возможно ли, что они будут протестовать против решений Константинополя?

– У нас самые теплые и уважительные чувства к Афону. Мы не хотим подсказывать афонским старцам, как им действовать.

История показывает, что, когда Афон чем-то обеспокоен, обители Святой горы находят способы донести это до Константинопольского Патриарха. Например, когда Константинопольский Патриарх Афинагор встретился с Папой Римским, афонские монастыри выражали протест против этого; некоторые даже перестали поминать Константинопольского Патриарха за богослужениями. Но, повторю, это внутреннее дело Афона.

Что же касается российских бизнесменов, которые жертвуют на Афон, я бы посоветовал им переключить свое внимание на монастыри нашей Церкви и вкладываться в их восстановление и благоустройство. У нас есть свои святыни, свой Афон: Соловецкий, Валаамский монастыри, Троице-Сергиева Лавра, в Украине есть Киево-Печерская лавра. Если есть желание пожертвовать свои средства на богоугодное дело, то у нас не меньше, а, пожалуй, гораздо больше

святынь, чем на Святой горе.

– Что будет с русскими монахами на Афоне? Например, в исконно считающемся русским Пантелеимоновом монастыре? Президента России там, как известно, принимают по особому протоколу. Куда теперь бежать монахам?

– Им нужно не бежать куда-либо, а продолжать свое существование и свою деятельность там. Я не думаю, что в положении монастыря что-то изменится.

– Но в Пантелеимоновом монастыре во время богослужений поминают Вселенского Патриарха, при этом обитель существует за счет русских жертвователей, в монастыре бывают именитые паломники – от Игоря Сечина до Игоря Шувалова. Куда они теперь будут ездить?

– Я думаю, это тоже внутреннее дело монастыря. У них есть совет старцев, и думаю, они в сложившейся ситуации примут соответствующее решение. Не хотел бы ни подсказывать им, особенно через СМИ, ни предсказывать их решения. Думаю, они сами придут к пониманию, как будет лучше.

– Летом из Греции выслали двух российских дипломатов, сейчас обострилась ситуация на Украине. Можно сказать, что это такие полу-религиозные, полу-политические очаги конфликта Русской Церкви и Константинополя. Рассматриваете ли вы возможность возникновения каких-то еще проблем в мировом Православии из-за этого противостояния?

– Что касается ситуации, которая складывается в мировом Православии в результате действий Константинополя, по моему мнению, существенной проблемой является то, что я вчера назвал процессом самоликвидации Константинопольского Патриархата в качестве координирующего центра для Православной Церкви.

Патриарх Варфоломей сделал выбор в пользу раскола. Константинопольский Патриархат на протяжении длительного времени позиционировал себя как координатор разного рода межправославной активности. И мы готовы были встраиваться в эту активность. Например, на протяжении пятидесяти с лишним лет вместе с другими Поместными Церквами мы участвовали в подготовке Всеправославного Собора, который в итоге так и не состоялся. То есть состоялся Собор, но он не был Всеправославным.

Но даже после этого не ставшего всеправославным Критского Собора взаимодействие между

Церквами продолжалось. Так, в самом конце августа Патриарх Кирилл приезжал к Патриарху Варфоломею; была продолжительная беседа, вполне братская по своей тональности, но к сожалению, она не дала никаких результатов, потому что стороны остались «при своих интересах».

– Греческие СМИ выложили стенограмму встречи Патриарха Кирилла и Патриарха Варфоломея. Этой расшифровке можно доверять?

– Я не сравнивал стенограмму, которую опубликовали газеты, с тем, что сохранилось от этой беседы у меня в памяти. Стенографировал во время встречи один человек – сотрудник Константинопольской Патриархии. Изначальная договоренность состояла в том, что содержание беседы строго конфиденциально. Когда Патриарх Кирилл общался с прессой в аэропорту, он не сказал ровным счетом ничего о содержании переговоров.

А потом Константинопольская Патриархия решила организовать то, что сейчас называется не очень красивым словом «слив». Комментировать качество этой утечки и степень соответствия действительности того, что записал сотрудник Константинопольской Патриархии, я бы не стал. Но могу отметить: переговоры, которые прошли в августе, не дали результата, и Константинопольский Патриархат пошел по линии дальнейшей эскалации конфликта.

– А почему вчера Синод не призвал собрать совещание Предстоятелей всех Церквей? Ведь были же такие предложения.

– Такие предложения были сделаны на предыдущем заседании Синода Русской Православной Церкви. Традиционно синаксисты Предстоятелей собирает Константинопольский Патриарх. Но он не прислушался к голосам Поместных Церквей и не изъявил желания собрать такое совещание.

Он сейчас действует, исходя из парадигмы, согласно которой Патриарх Константинопольский является единоличным «владельцем» Православной Церкви: он решает, все подчиняются.

Но такого в Православной Церкви никогда не было. Сейчас Константинополь выдумал новую теорию и действует по озвученной парадигме, но мы не согласны и никогда не согласимся с этим. Возможно, Константинопольскому Патриарху захотелось почувствовать себя «Папой Римским» для православного Востока. Но Папа Римский уже долгое время не использует тех методов, которыми пользуется Константинопольский Патриарх, занимающийся хищничеством и разбоем на канонических территориях других Поместных Церквей.

Сделав выбор в пользу раскола, Константинопольский Патриарх сознательно отказался от права

именоваться координирующим центром для Православных Церквей. Такого координирующего центра у нас больше нет, и мы либо создадим какой-то другой, либо будем жить без координирующего центра, как жили вплоть до начала XX века.

– Может ли теперь Русская Православная Церковь стать первой среди равных?

– Мы не претендуем ни на какое место выше того, которое занимаем сейчас в диптихе Православных Церквей.

У нас есть реальная Церковь, реальная паства. Как выстроятся наши дальнейшие отношения с Константинополем и другими Церквами, будет зависеть от совокупности факторов. Но на все вызовы, которые станут нам бросать, мы, конечно, будем отвечать.

– Судя по тому, что мы видели в расшифровке беседы Патриархов Варфоломея и Кирилла, столкнулись два дискурса – условно либеральный со стороны Константинополя и условно консервативный со стороны Русской Православной Церкви. Не кажется ли Вам, что с течением времени могут возникнуть две семьи Православных Церквей? Грубо говоря, Греческая будет выступать за одно, а Русская – за другое?

– Я бы этого не исключал, хотя я не хочу делать никаких прогнозов и очень надеюсь на то, что единство нашей Православной Церкви сохранится. Вопрос в том, как оно будет структурно оформлено. Но ответа на этот вопрос у нас сейчас нет.

Вы помните, была такая страна – Советский Союз. У этой страны был президент. В какой-то момент этот президент самоликвидировался как глава государства и объявил о том, что страна распалась, а он больше не президент. Что-то подобное произошло и сейчас. У нас был первый среди равных – Константинопольский Патриарх, к которому мы ездили, с которым советовались и координировали различные общеправославные вопросы. Сейчас он в качестве координационного центра самоликвидировался.

Как мы будем жить дальше? Думаю, мы и без такого центра проживем. Это не первый случай в истории – было что-то подобное в середине XV века, когда Константинопольский Патриарх вступил в унию с Римом, а другие Патриархи этого не признали, и мы некоторое время жили вообще без канонического Константинопольского Патриарха. С этого момента начала свое бытие автокефальная Русская Церковь.

Был также момент в 1996 году, когда Константинополь вторгся в Эстонию, и мы разорвали отношения. И сейчас наступил такой момент. Поэтому, как говорил Экклезиаст, «нет ничего нового

под солнцем».

– На российских телеканалах Патриарха Варфоломея чуть ли не напрямую называют марионеткой США. Но хочется понять, какую же роль играют Штаты в этой истории.

– Думаю, какую-то роль США играют, раз советники американского президента приезжают в Украину и открыто говорят о поддержке автокефалии.

Но очень скоро Константинопольскому Патриарху придется столкнуться с проблемой автокефалии Американской Церкви. В США многие верующие, в том числе и архиереи в подведомственной Патриарху Варфоломею структуре, понимают, что связь Американской Церкви с Константинопольским Патриархатом довольно условная, и они недоумевают, почему в независимой Украине может быть автокефалия, а в не менее независимой стране – Соединенных Штатах – не может.

Но это будет уже следующий этап развития инициированного Константинопольским Патриархом конфликта, который привел к его выходу из православного единства.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/47047/>